

17 МАЯ 1975

«МОЛОДЕЖЬ ЭСТОНИИ»

г. Таллин

2 «МОЛОДЕЖЬ ЭСТОНИИ»

Сегодня мы расскажем о том, над чем работают молодые режиссеры Тартуского государственного академического театра «Ванемуйне».

С магнитофонной ленты пела Иветт Гильбер, в центре зала танцевала балерина, и в пластике ее, острой и жесткой, было что-то очень знакомое.

— Нет-нет, движение не такое резкое, нужно совсем немножко, только акцент! — балетмейстер Юло Вилимаа, умудряющийся даже сидя на стуле плечами и руками вторить танцу балерины, показывает позу. Снова и снова лента возвращалась к началу песни, а балерина, тяжело дыша, — в центр зала. И снова звучала вкрадчивая и лукавая «Мадам Артур».

Когда мне доводится быть в балетном репетиционном зале, каждый раз, глядя на работу хрупких балерин, на то, как их свежие полотенца превращаются по ходу репетиции от пота в мокрые тряпки, я вспоминаю пушкинские строки:

«И вдруг прыжок, и вдруг летит, летит, как пух от уст Эзопа»;

То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку

бьет». Господи, здесь в ежедневной мастерской балетного репзала — здесь не «пух от уст Эзопа», а работа до двадцать седьмого пота! Кажется, знаешь давно: труден хлеб балетных артистов, но все-таки каждый раз на репетиции поражаешься, какой это тяжелый физический труд — «душой исполненный полет».

— И откуда — раз, два, три — и поворот.

— Я отсюда так не могу, у меня не та нога впереди.

— Разве? Ну-ка...

Юло встает рядом с балериной, и скользящими, беглыми, контурными, если можно так сказать, движениями проверяет рисунок.

Да что же это такое? Почему эта пластика, этот дух танца мне определенно знаком, хотя я его наверняка никогда не видела?

С магнитофона «Мадам

Артур» как бы подсмеивалась над моим недоумением, и вдруг меня осенило: Тулуз-Лотрек! Это же Тулуз-Лотрек, его персонажи, его кабаре!

Так случилось, что, приехав в Тарту, я пришла на репетицию к Юло Вилимаа, не зная точно, что он ставит. Так что до конца

Очень трудно артистам, непривычно, совсем другая пластика...

— Вы с ними «протанцовываете на месте» каждое па?

— Да, у меня этот балет «в теле». Я о нем долго мечтала.

— Как он называется?

— Эта часть, по мотивам

А на следующий день на магнитофоне крутилась пленка с записью «Пляски смерти» Берлиоза, сплетались и расплетались сложные узоры танцев Белой и Черной дам и Альфреда, по многу раз повторялся выход и танец кордебалета, и в

стороне от основных испол-

отстала, вот что значит долго в Тарту не приезжать.

Действительно, студия — для меня новость.

— Большая?

— Было двадцать человек, сейчас девять.

Отсев — это естественно.

Когда режиссер набирает студию, это значит, что он хочет воспитать актеров для

полгода, сейчас не время только говорить о каких-то результатах, но даже делать практические прикидки на будущее.

— Ты же знаешь, я сам кончил студию у Каарела Ирда, мне это близко и дорого. Хочется попробовать самому, по-своему.

Самое главное, что мы

жется, может получиться интересно. Мы с ними делали ряд этюдов на тему «Мой час», «Мой день». А если их соединить? Сыграть «Моя жизнь», «Мой мир»?

Но все это дело будущего, Мы не будем спешить.

Кроме балетных, в «Ванемуйне» готовятся и идут новые интересные спектакли — режиссер Эпп Кайду к 30-летию Победы поставила спектакль по пьесе Л. Леонова «Нашествие», очень добротный, с хорошими актерскими работами.

Эвальд Жермакюла недавно поставил «Записки сумасшедшего» Гоголя — спектакль эмоционально сильный и очень, и очень спорный. Он же готовит «Гедду Габлер» Ибсена. Спектакль, посвященный эстонскому поэту Эрнсту Энно, ставит Яан Тооминг. Но об этом в следующий раз.

Этери КЕКЕЛИДЗЕ.

ДЮМА-СЫН, ЗОЛЯ, ТУЛУЗ-ЛОТРЕК

репетиции я была вольна в своих предположениях.

— Юло, это Лотрек? — робко спросила я, все-таки боясь поверить своей догадке, не потому, что мне представлялось это невероятным, но потому, что после лирических «Рук», философско-поэтической «Морской девы» такой поворот казался слишком резким для внешне уравновешенного Вилимаа.

— Конечно, — сказал он. — Уже видно немножко, да?

рисунков Тулуз-Лотрека, будет называться «Жанна Авриль». Всего будет три одноактных балета: «Дама с камелиями», «Жерминаль» и «Жанна Авриль».

— «Жерминаль»?

— Конечно, только одна линия, любовная.

— А сами вы будете в них танцевать?

— Нет, не буду. Это слишком сложно — ставить такие балеты и самому быть в них занятым.

нителей репетировал дублирующий состав.

Зеркальные стены репетиционного зала удваивали все, происходящее в нем.

В холодном зазеркалье на палках-станках тоже висели полотенца...

Студия

Эвальда Жермакюла

— Ты знаешь, у меня же теперь студия. — Режиссер Эвальд Жермакюла, заметив мое удивление, поддразнил: — Ну вот, совсем от жизни

своего театра, актеров-единомышленников, одинаково понимающих цели и задачи театрального искусства. Это очень и очень важно — одинаково понимать цели и задачи. Если вспомнить историю театральных студий — а у русского и советского театра она богатая, — то становится ясным, что именно это делало их жизнеспособными.

Эвальд Жермакюла ведет свою студию всего лишь

сделали за эти полгода, — это разрушили у студийцев рутинное представление о театре — а оно всегда существует в виде представления о сплошных победах и цветах. Я стремился им передать самые важные вещи, которые я знаю о театре. говорить с ними о психологических глубинах искусства. Тихо-тихо, очень медленно подходим к первому нашему спектаклю. Мне ка-